

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
КАРЕЛИЯ

Михаил ГОЛЬДЕНБЕРГ
г. Петрозаводск

МИХАИЛ ГОЛЬДЕНБЕРГ:
«НАШИ ФОНДЫ – ЗЛДОРАДО»

В июне 2016 года Национальному музею Республики Карелия исполнилось 145 лет. О деятельности музея рассказывает его директор Михаил Гольденберг.

– Михаил Леонидович, Национальный музей так или иначе постоянно присутствует на страницах журнала «Север». Среди авторов журнала есть сотрудники музея. Пять лет назад публиковался блок материалов, включавший вашу статью, заметки с круглого стола, посвященного деятельности музея. Давайте сегодня мы неформально поговорим о вашей работе и о работе музея. И для начала вопрос: 145 лет – это много или мало?

– Две человеческие жизни... Вообще, для учреждения культуры – много. Мы могли бы себе родовитость и возраст еще увеличить, как некоторые коллеги делают, – считать началом деятельности не создание музея, а первые выставки в нашем губернском городе. Первые любительские выставки стали открываться в Петрозаводске еще в 30-е годы девятнадцатого века. Но указ губернатора Григория Григорьевича Григорьева был подписан 16 июня 1871 года, эту дату мы и считаем днем рождения музея. Замечу, что на Северо-Западе России наш музей – один из ста-

рейших, и даже постарше некоторых известных столичных мастодонтов...

– Если 145 лет для музея много, как же тогда оценить возраст Лувра, Прадо, соборов Венеции...

– Так вы и древнегреческие мусейоны вспомните. Я говорю о профессиональных музеях, а они изобретены человечеством сравнительно недавно. О музеях в нынешнем понимании слова, как о феномене культуры, начинают говорить только с первой половины девятнадцатого века. В то время активно пополнялись собрания раритетов в Европе за счет путешествий и военных экспедиций. Наполеон первым делом отправлял во Францию не военные трофеи, а предметы искусства и культуры. В Лувре я бывал, и довольно часто. Да, немало было вывезено. Англичане из колоний активно вывозили предметы, составившие сокровищницы их музеев. Вот на базе этих коллекций и стали развиваться музеи.

– Любопытно, что созданием музеев занимались государства, считали это важным для себя. Сейчас государства также считают поддержку музеев необходимым делом?

– Наш статус – это музей субъекта Российской Федерации. Таких музеев в России – 85. Это своего рода визитные карточки регионов. Культура у нас слоеная, первый слой – федеральные музеи. Их всего 61. Государственных музеев в России – около двух тысяч. И есть третий слой – муниципальные музеи, либо городские, либо районные. Мы – во втором слое, музей субъекта Федерации, наш учредитель – Министерство культуры Республики Карелия.

– Раз мы говорим о слоях, на ваш взгляд, эта слоистость – хорошо или плохо?

– Вы знаете, это неоднозначно. По закону 1996 года даже муниципальные музеи являются хранителями части общего музейного фонда Российской Федерации. Мы, юридически говоря, осуществляем услугу государству, но вот финансирование музея, зарплаты у сотрудников зависят от региона. Да, мы видим, что бюджетное финансирование повсюду сокращается, и поприжали всех, но, поскольку изначальный уровень разный, переживается это тоже по-разному. В общем, как с недавнего времени принято говорить, денег нет, но мы держимся. Конечно, музей – удовольствие очень дорогое. Как библиотека, музей не может быть самокупаемым. Все заклинания, которые мы периодически слышим, мол, зарабатывайте больше денег, беспочвенны. Самофинансирование музея – это миф, это утопия. Для этого нам пришлось бы полностью отказаться от миссии хранения и превратиться в культурно-досуговое учреждение. А это не та задача, которая перед музеями ставится. И вот все музеи хранят музейный фонд государства, а финансирование нашей деятельности осуществляется неравномерно. Есть государственная поддержка. Мы много лет и много раз получали гранты от Министерства культуры Российской Федерации, но сейчас на них могут претендовать только федералы...

– Наверное, каждая эпоха имела свои плюсы и свои минусы, проявлявшиеся и по отношению к музеям как к хранителям памяти. Какие исторические отрезки времени вы можете выделить в истории музея?

– История музея имеет, на мой взгляд, три эпохи. Первая – «ab ovo». Музей вырос из «семечка», которое посадил Григорьев в один день с открытием на Круглой площади памятника Петру Великому. Губернатор выделил для музея комнату в своей квартире. Ныне эта первая музейная комната – наш конференц-зал. Сейчас мы поместили в нем экспонаты из первой григорьевской коллекции – форму для выпечки пряника XVII века. Очень патриотическая форма – с гербом Российской империи. Этот экспонат подсказал акцию для «Ночи музеев» – пряничную церемонию, когда мы раздавали пряники с гербами Карелии и Петрозаводска.

На первых порах музей был общественным, непрофессиональным. Григорьев обязал чиновников собрать коллекцию. И на это ушло два года. Я очень люблю напоминать современным чиновникам, что наш музей создан чиновниками, губернатором, понимавшими важность сохранения памяти о прошлом. Думаю, это хороший факт для истории нашего края.

– Что же принесли чиновники в музей?

– Образцы минералов, бабочек... Многие из них занимались энтомологией. В этом заснеженном, скучном, самом маленьком губернском городке они увлекались ловлей бабочек. Кстати, у нас в экспозиции «Квартира чиновника» экспонируются бабочки из той коллекции. Помните интерьерный показ, где мы воссоздали кабинет чиновника, квартиры чиновника и мастерского?

Григорьев всех гостей провожал к себе через музей, он гордился собранной коллекцией.

Второй период, на мой взгляд, начался с 1928 года при первом руководителе Карельской Трудовой Коммуны Эдварде Гюллинге. Гюллинг сделал музей государственным. Этот статус давал право на штат из трех человек. Гюллинг выписал из Ленинграда специалиста Степана Андреевича Макарьева, поставив его руководить музеем. В дипломе Макарьева, окончившего ЛГУ, была потрясающая запись: «Народовед». Он много сделал для музея. Замечу, что вторым сотрудником музея был лектор – Александр Михайлович Линеvский.

– Ученый, открывший карельские петроглифы, и, может быть, самый известный карельский писатель...

– Кстати, по диплому он был этнограф, как и Макарьев. Археологом он стал волею случая, найдя петроглифы. Мне доводилось с ним общаться, правда, тогда он был уже очень пожилой. «Листы каменной книги» я, конечно, учась в школе, прочел. Но на меня большее влияние оказала книга Валентина Янина «Я послал тебе бересту». Я и сейчас считаю эту книгу великой для становления многих историков.

– А третий сотрудник?

– Сторож. Его фамилию история, к сожалению, не сохранила. Так вот, второй период истории музея. В это время музей переместился в здание закрывшейся заводской церкви – храма Александра Невского. Интересно, что наш музей дал жизнь карельской науке, из наших стен вышел Карельский научно-исследовательский институт (ныне – Карельский научный центр РАН). Макарьев стал заместителем директора института, а директором был сам Гюллинг, совмещавший пост руководителя Автономной Карельской ССР и директора КНИИ. Из нашего музея родилась карельская наука, а позднее из нас выросли и музей «Кижы», и музей ИЗО.

После Макарьева директором музея стал Иван Михайлович Мулло. Молодой этнограф, ингерманландец, знавший языки. Он становился директором три раза, в сумме тринадцать лет руководил музеем.

– Почему прерывалась работа?

– Войны. И советско-финляндская, и Великая Отечественная. 23 июня 1941 года ушел на фронт. Я очень долго размышлял, как директор мог уйти на фронт, не проведя эвакуацию музея. Наверное, никто не ждал, что город так быстро будет сдан, ожидали скорой победы. В общем, часть коллекции попала к оккупантам и находится в Финляндии. После войны был определен ущерб в три миллиона рублей, эти документы известны. Но большая часть коллекции была эвакуирована в Сыктывкар. К сожалению, часть экспонатов при эвакуации пропала... Видимо, настоящих специалистов не хватало.

– Мне кажется, в советское время к музейным фондам относились ответственно...

– Пример из 70-х. Звонят из руководящих органов в музей и говорят: «Дайте нам что-нибудь для поездки в ГДР!»

– Из партийных органов звонили?

– Партийные органы стеснялись. Звонили из советских – из Совета Министров. У нас в инвентарных книгах значится: «Ваза из карельской березы. Выдана тов. (...) для поездки в ГДР». Есть такие записи.

– Это было во время Мулло?

– Чуть позже. После войны Иван Михайлович Мулло оказался в Эстонии, а здесь директора менялись, бывало, что лишь по полгода работали. В 1948 году Иван Мулло приходит в третий раз, а в 1953 году его с выговором по партийной линии снимают...

– За что?

– Берия арестовали. Пришла установка заменить статьи о нем в энциклопедии статьями о Беринговом проливе, вымарать его фамилию вообще отовсюду. А Берия был депутатом Верховного Совета СССР от Карелии. Комиссии ходили проверять все стенды, чтоб нигде не осталось упоминания... За несколько дней и ночей была заменена экспозиция. Но, видимо, сотрудники Ивана Михайловича где-то фамилию пропустили... В общем, объявили выговор «за политическую близорукость и зажим самокритики» и сняли с директорского места. Он остался в музее, стал главным хранителем...

Третий этап – наше время. Сейчас экспозиция развернута в новых помещениях, точнее, в старых, где когда-то музей зарождался. Храм, где музей располагался в советское время, вернули церкви, это кафедральный собор Петрозаводска. А мы въехали в здания на Круглой площади. Пять лет назад мы стали Национальным музеем Республики Карелия.

– Зачем? Это как-то меняет статус?

– Меняет. Может быть, формально, может, на уровне восприятия, но меняет.

– В том смысле, что есть профессиональные историки, а есть любители-краеведы?

– Да, согласитесь, оттенок любительства в этом слове есть. Думаю, за 145 лет музей заслужил право называться профессиональным. Кроме того, к 2010 году в Карелии появилось много учреждений с определением «национальный»:

Национальный архив, Национальный театр, Национальный ансамбль... В других регионах также существуют национальные музеи. По духу, по смыслу мы остаемся краеведческим, являясь профессиональным, не отказываемся от нашего предназначения. И, знаете, это на самом деле тема для серьезного диспута. Кто работает в музее? Ученые? Научные сотрудники? Чем они там занимаются? Это хранители? То есть сидит дяденька или тетенька рядом со стеллажами, на которых лежат какие-то старые вещи, пьет чай и охраняет все это?

Нет, мы прежде всего изучаем предметы, которые хранятся в наших фондах, занимаемся их научным описанием. Каждый скребок, каждый археологический отщеп должен быть описан, ведь это признак человеческой деятельности.

– Сколько экспонатов из имеющихся в музее экспонируется?

– Два процента от 225 тысяч. Это мало. Однако ведущие музеи России экспонируют не более 5 процентов. Главная миссия музея – это хранение, а не экспонирование. Но я не директор кладбища и не завскладом. Поэтому, конечно, мы все делаем для того, чтобы процент экспонируемых предметов рос. Когда завершится реконструкция оставшихся помещений в здании музея, думаю, мы будем показывать в два раза больше. И это будет норма. Пока у нас не представлено в экспозиции советское время, 20-30-е годы, нет Карельского фронта. Каждый год мы делаем новую временную выставку к празднику Победы. Временные выставки бывают по всем эпохам.

– Когда мы пять лет назад беседовали с вами, вы сказали, что в «Ночь музеев» приходят те, кого вы и в обычные дни видите в залах... Приходит ли в музей молодежь? Появляются ли новые посетители?

– Есть изменения. На последней «Ночи музеев» к нам пришло очень много молодых людей, и некоторые, возможно, впервые. Мы стараемся постоянно работать с молодежью. Сотрудничаем с Петрозаводским университетом, все первокурсники обязательно начинают учебу, знакомясь с музеем. Много работаем с учеными...

– И вновь я хочу вернуться к нашей публикации пятилетней давности. Тогда в своей статье вы писали, что фонды музея еще не вполне изучены, требуют научного описания, пригласили к сотрудничеству ученых. Призыв был услышан?

– Да, за пять лет кое-что сделать удалось... Некоторые ученые даже пришли к нам на работу. Коллекция музея – это его ядро, это его все. Главный вопрос – как она систематизирована, каталогизирована, введена ли в научный оборот. Пять лет мы постоянно занимались этими вопросами. Перейду к примерам. У нас в музее хранится фотоколлекция Беломорско-Балтийского канала, порядка 8 тысяч фотографий. Это снимки по заказу НКВД сделаны в 30-е годы. Снимки хранились в ветхих альбомах, на клею, а это убивает фотографии. Встал вопрос оцифровки и систематизации. И мы обратились в университет к известному математику, профессору Александру Александровичу Рогову. На ежегодном семинаре университета «История и математика» родился проект, аспирант университета Андрей Талбонен изобрел поисковую систему. Теперь все снимки оцифрованы, можно посмотреть их по датам, по конкретным шлюзам, по персоналиям... Кстати, французская исследовательница Анна Брюнвик считает, что автор снимков – Александр Родченко. По ее мнению, фотографии ББК отражают его манеру, его творческий почерк. Родченко бывал на Беломорканале, его командировки совпадают с датами снимков.

– Эти снимки можно увидеть на сайте музея?

– Есть только демоверсия.

– И работы Генриха Фогелера можно у вас на сайте увидеть не полностью...

– 12 работ из 96.

– Почему вы скрываете от нас эти сокровища?

– Мы не скрываем, и мы не собаки на сене. Но и жить по принципу «двери и окна настежь» мы не можем. Для любого музея фонды – это капитал. Кроме того, есть серьезнейшая проблема авторского права. Мы не можем выставить всю коллекцию...

– А как же можно увидеть Фогелера или снимки из коллекции ББК?

– Очень просто. Исследователь может написать заявление с просьбой познакомиться с интересными ему предметами. Мы открыты для исследователей. Кстати, на нашем сайте ежедневно появляется новый предмет, мы стараемся увеличить процент экспонатов, доступных для знакомства. А есть еще мобильные выставки, которые ездят по Карелии, по России, за рубежом. С успехом в разных городах Швеции в течение года проходила выставка, посвященная петроглифам. Конечно, не сами плиты привозили, а их изображения, но эти изображения дали возможность многим людям познакомиться с онежскими и беломорскими петроглифами...

– *Мы с вами отвлеклись от взаимоотношений музея и науки...*

– Да, вот еще пример. Потрясающую работу провел доктор филологических наук Александр Валерьевич Пигин, он систематизировал наши коллекции старопечатных и рукописных книг, честь ему и хвала. В настоящее время систематизацией нашей замечательной коллекции карт занимается Анатолий Михайлович Шредерс. Но я должен сказать, что ученых ждет еще множество открытий в нашем музее, наши фонды для науки – эльдорадо.

– *Михаил Леонидович, вы рассказали о трех периодах истории музея. Как дальше будет развиваться третий? Чего нам ждать к 150-летию?*

– Сейчас, пожалуй, не время прогнозов... А с другой стороны, без видения перспективы руководитель – не руководитель. Мы будем активно заниматься XX веком, 50-60-ми годами. Будем заниматься и устной традицией. Знаете, город носит название Петрозаводск, а заводское прошлое постепенно исчезает. Нужно найти заводчан, носителей исторического опыта, записать их рассказы.

– *Мне кажется, такой работой занимаются университет и Карельский научный центр...*

– Да, но почему ею не заниматься и музею? Это очень интересная работа, особенно сейчас, когда есть цифровые носители. Но вы правы, рассматривая музей как мир вещей. И если вы спросите, есть ли лакуны в нашей коллекции, отвечу – есть. Мы их постепенно закрываем. Вот этот зуд музейщика не давал мне покоя, я не мог

смириться с тем, что у нас нет чиновничьих пуговиц. В городе была пуговичная фабрика, открытая Гаскойном в 1795 году! А пуговиц в музее не было... Я долго искал и нашел в Петербурге филобутониста – коллекционера пуговиц. Он подарил нам две чиновничьи пуговицы с гербами Лифляндской губернии. Я просто плясал от радости! С гербом губернии Олонецкой пока пуговиц не нашел, но все впереди.

Что касается выставочной деятельности, у нас составлен план выставок до 2018 года. Одна из готовящихся выставок – 100-летие Мурманской железной дороги, которая в свое время дала мощный импульс для развития края, да и сейчас является «позвоночником» нашей республики. Еще тема для выставки – 300-летие первого российского курорта – наших «Марциальных вод».

Конечно, стоит задача сохранения работоспособного коллектива. Жаль, что сейчас государство не в состоянии оплачивать профессионализм и труд музейных работников, как и вообще работников культуры, достойно. Но с тем большим уважением я отношусь к своим коллегам – верным рыцарям музейного дела.

Также в наших планах модернизация постоянной экспозиции. И еще, конечно, реконструкция оставшихся помещений в здании музея, так называемого «первого подъезда». Мы надеемся разместить в них выставку предметов советского периода. Взять хотя бы круглый кабинет Гюллинга... с диваном, на котором спал датский писатель Мартин Андерсен Нексе при посещении Карелии... Гостиницы не было! Есть идея 20-30-е годы показать через этот кабинет, где работали руководители республики. У нас грандиозные планы на эти помещения. Будем созидать!

Беседовал Вениамин СЛЕПКОВ

